

DOI: [10.14515/monitoring.2026.4.3079](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3079)

И. С. Шаповалова, О. В. Ковальчук

**ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ**

Правильная ссылка на статью:

Шаповалова И. С., Ковальчук О. В. Жизненные стратегии социально уязвимых групп молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 4. С. 121—146. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3079>.

For citation:

Shapovalova I. S., Kovalchuk O. V. (2026) Life Strategies of Socially Vulnerable Youth Groups. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 121–146. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3079>. (In Russ.)

Получено: 07.08.2025. Принято к публикации: 14.05.2026.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ

ШАПОВАЛОВА Инна Сергеевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
E-MAIL: shapovalova@bsuedu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>

КОВАЛЬЧУК Ольга Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
E-MAIL: kovalchuk@bsuedu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1060-4505>

Аннотация. Цель статьи — определить особенности в жизненных стратегиях социально уязвимых групп молодежи. Статья подготовлена на основе данных социологического мониторинга 2024 г. на территории Белгородской области методом онлайн-опроса, в котором приняли участие 5847 человек — региональная молодежь в возрасте 14–35 лет, распределенная по квотным признакам (возраст, пол, тип поселения). В общем массиве опрошенных была выделена группа социально уязвимой молодежи в количестве 725 человек, которая, в свою очередь, была разделена на родителей-одиночек, родителей, воспитывающих детей-инвалидов, молодежь, имеющую инвалидность или ОВЗ, выпускников детских домов, а также группы, связанные с СВО (беженцы, участники СВО, члены семей участников СВО и потерявшие на СВО близких). В работе представлен сравнительный анализ жизненных диспозиций и жизненного планирования молодежи, относящейся к группам социальной уязвимости, и молодежи, не входящей в них. В ре-

LIFE STRATEGIES OF SOCIALLY VULNERABLE YOUTH GROUPS

Inna S. SHAPOVALOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth
E-MAIL: shapovalova@bsuedu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>

Olga V. KOVALCHUK¹ — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth
E-MAIL: kovalchuk@bsuedu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1060-4505>

¹ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article aims to identify features of the life strategies of socially vulnerable youth groups. The article is based on the data of sociological monitoring in 2024 in the Belgorod region using the online survey method, in which 5,847 people took part, regional youth aged 14–35, distributed according to quota criteria (age, gender, type of settlement). In the general array of respondents, a group of socially vulnerable youth was identified, numbering 725 people, which, in turn, was divided into single parents, parents raising disabled children, young people with disabilities or disabilities, graduates of orphanages, as well as groups associated with socially vulnerable groups (refugees, participants in socially vulnerable groups, family members of participants in socially vulnerable groups and those who lost loved ones in socially vulnerable groups). The article presents a comparative analysis of life dispositions and life planning of young people belonging to socially vulnerable groups and young people who are not included in them. The analysis revealed that life strate-

зультате анализа установлено, что жизненные стратегии социально уязвимых групп молодежи имеют явно выраженные особенности и по ряду из них отмечены весомые отличия от условно благополучной молодежи. Обнаружены противоречия, связанные с тем, что, несмотря на очевидные барьеры, диагностируемые в большинстве установок и жизненных диспозиций, молодежь из социально уязвимых групп демонстрирует завышенные требования к постановке целей в жизненных планах: она чаще устремлена на эффективные и социально значимые для региона жизненные решения, что делает ее потенциально значимой в повышении качества регионального человеческого капитала. Авторы определили также наиболее активные и проблемные группы молодежи: наиболее активными в своей жизненной позиции и жизненных устремлениях стали выпускники детских домов, родители детей-инвалидов, молодежь с ОВЗ и участники СВО. К проблемным могут быть отнесены молодые люди в статусе беженцев; те, кто получает пособие в связи с низким доходом; и молодые люди, потерявшие близких на СВО. Полученные результаты ставят дополнительные задачи перед региональными властными структурами по обеспечению реализации и сопровождению жизненных стратегий социально уязвимых групп молодежи со стороны органов управления молодежной политики и социальной защиты.

Ключевые слова: молодежь, социальная уязвимость, жизненные диспозиции, жизненные стратегии, жизненные планы, региональная молодежь

gies of socially vulnerable youth groups have clearly defined features and, for a number of them, significant differences from conditionally prosperous youth groups were noted. Contradictions were found related to the fact that, despite obvious barriers diagnosed in most attitudes and life dispositions, the youth of socially vulnerable groups demonstrate inflated demands in life plans. It was found that the youth of socially vulnerable groups are more often focused on effective and socially significant life steps for the region, which makes them potentially significant in improving the quality of regional human capital. The most active and problematic groups of youth were identified: the most active in their life position and life aspirations were graduates of orphanages, parents of disabled children, young people with disabilities and participants of the secondary military education system; problematic can include young people with refugee status, young people receiving benefits due to low income and young people who have lost loved ones in the secondary military education system. The obtained results set additional tasks for regional authorities to ensure the implementation and support of life strategies of socially vulnerable groups of youth.

Keywords: youth, social vulnerability, life dispositions, life strategies, life plans, regional youth

Социальная уязвимость в научном дискурсе

В структуре современного общества существуют социальные группы, которые, в силу сложившихся жизненных обстоятельств, находятся в зоне повышенного риска и, несмотря на действующую и постоянно развивающуюся систему государственной и общественной социальной защиты и поддержки, остаются уязви-

мыми в условиях общих и специфических рисков. Возрастная дифференциация таких групп актуализирует повышенную проблемность молодежи, имеющей статус социально незащищенной или определяемой в группы социальной уязвимости, так как для молодого возраста характерны специфические риски, связанные с жизненным самоопределением и целеполаганием, подверженностью влиянию структурных ограничений и депривационных процессов, дефицитом ресурсов и т. д. В условиях общественной трансформации, сопровождающейся усилением социального неравенства, фрагментацией институтов социализации и усилением рискогенности социальной среды, исследование социально уязвимых групп молодежи приобретает особую значимость.

Актуальность изучения социально уязвимых групп молодежи обусловлена также необходимостью переосмысления традиционных подходов к социальной политике в контексте новых форм неравенства, порождаемых цифровизацией, усиливающей ролью искусственного интеллекта в различных социальных сферах, изменением структуры занятости и трансформацией ценностных ориентаций. Изучение специфики положения социально уязвимых групп молодежи позволяет выявить механизмы воспроизводства социальной эксклюзии и разработать адресные меры поддержки, направленные на минимизацию дезинтеграционных процессов.

Данная проблематика имеет междисциплинарный характер и находится на стыке социологии молодежи, экономики труда, социальной антропологии и политических исследований, что открывает возможности для комплексного анализа и разработки теоретико-методологических рамок изучения данного вопроса.

Под социальной уязвимостью в статье будет пониматься объективная характеристика индивидов, групп и слоев общества, которая обусловлена мерой их чувствительности к негативным воздействиям и может повлечь за собой опасность утраты стабильного устойчивого места в социальной структуре общества [Сергеева, 2005].

Несмотря на существующую методологию изучения социальной уязвимости и незащищенности, представленную в теории социального исключения (Р. Кастель) и подходе к анализу травматических сообществ (К. Эриксон), социальная уязвимость в работах современных исследователей почти не представлена с позиции концептуального осмысления. Мы находим только единичные работы, посвященные методологии и методике исследования данной проблемы [Терновая, 2023; Шабунова, Калачикова и др., 2016]. Можно сказать, что современный научный дискурс имеет практико-ориентированную коннотацию в этом вопросе и предлагаемый контент предполагается к использованию в рамках информационной аналитики для подготовки решений в рамках социальных политики разного уровня. Ученые рассматривают показатели и факторы, влияющие на социальную уязвимость и социальное положение уязвимых групп: здоровье граждан, проблему эксклюзии, специфику рынка труда и трудоустройства граждан из групп социальной уязвимости, неэффективность экономики, экономических стратегий и решений в отношении данных групп, доступность социальных услуг. И, конечно, важным аспектом изучения социальной уязвимости является поиск возможностей облегчения жизненной ситуации и повышения показателей социального благополучия населения.

В контексте темы статьи интерес представляют исследования проблемного поля конкретных социальных групп и слоев населения относительно их социальной уязвимости и конкретно проблематика социальной уязвимости современной молодежи. При теоретическом поиске мы сталкиваемся с недостатком информации по данному вопросу: изучая проблемы социально уязвимых групп молодежи, авторы ограничиваются вопросами социального здоровья [Загутин, Гафиатулина, Самыгин, 2017] и трудоустройства [Смолева, 2018]; отдельные проблемные группы, анализируемые в работах, связаны, как правило, с инвалидностью [Кошарная, Каримова, 2022] и малообеспеченностью [Боровиков, 2022].

Безусловно, возрастная стратификация рассматривается в контексте проблемы социальной уязвимости, но обычно на ней не делается акцент, несмотря на то что статистика социальной уязвимости показывает ее значимость. Например, в 2026 г. число детей с инвалидностью (до 18 лет) в России увеличилось до 800 тыс. человек. Для сравнения: в 2016 г. этот показатель составлял 636 тыс. человек (прирост на 29%)¹. Образую семьи, молодежь формирует и иные группы социальной уязвимости, связанные уже с реализацией матримониальных стратегий. Это молодые родители, в одиночку воспитывающие детей, родители ребенка-инвалида, малообеспеченные семьи. Нельзя не обращать внимание и на иные группы социальной уязвимости среди молодежи, такие как выпускники детских домов (имеющие повышенные риски социальной уязвимости), молодежь, оказавшаяся в статусе беженцев, и др.

В условиях трансформации современных обществ, вызванной геополитическими конфликтами и милитаризацией социального порядка, возникает и феномен «новой социальной уязвимости» — утраты устойчивости социальных групп, ранее не относившихся к категории риска. Эти социальные группы также фиксируются среди молодежи — это участники СВО, члены семей участников СВО, молодежь, потерявшая на СВО близких и родных. Все эти группы формируют исследовательский дефицит не только в контексте методологии исследования, но и с позиции проблемного осмысления ситуации.

Помимо вышеуказанных информационно-аналитических лакун, существует потребность не фрагментарного, а системного изучения жизненного пространства и перспектив групп молодежи с высокими реальными и потенциальными жизненными рисками — к сожалению, в таком ракурсе исследований практически не проводится.

Ключевые понятия статьи, помимо понятий «социальная уязвимость» и «социально уязвимые группы», — дефиниции жизненного планирования, жизненных диспозиций, жизненных стратегий. *Жизненное планирование* — это процесс определения целей и результатов в рамках жизненных сфер. В качестве *жизненных сфер* мы предлагаем рассматривать 12 основных направлений, жизненные планы в которых могут быть наиболее значимы для анализа молодежи и ее будущего: экономическое, трудовое, политическое, миграционное, самосохранительное, досуговое, образовательное, коммуникативное, семейное, общественное, духовное и самореализации. Итогом жизненного планирования становятся *жизнен-*

¹ Бескараваян Т. В России значимо выросло число детей-инвалидов // Медвестник. 2026. 3 июля. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/v-rossii-znachimo-vyroslo-chislo-detei-invalidov.html> (дата обращения: 24.08.2026).

ные планы — результаты и индикаторы достижения целей в течение жизни или ее этапов. Жизненное планирование основывается на установках, мотивах и ценностях, которые формируют *жизненные диспозиции* в той или иной сфере — ключевые принципы, определяющие направление, перспективы, притязания и границы жизненного планирования.

Дать определение понятию «жизненная стратегия» сложнее, в междисциплинарном научном дискурсе его поиск ведется в течение продолжительного времени. Р. А. Илаева и Н. Н. Савина сформировали наиболее полное определение, показывающие не только основы механизма формирования жизненных стратегий, но и их значимость в процессах социализации, саморегуляции и самореализации молодежи. Согласно их подходу, *жизненные стратегии* — «это осознанно запланированные и спроектированные ближайшие и отдаленные жизненные планы личности на будущее, которые базируются на терминальных и инструментальных ценностях-целях и условиях, способствующих ее самопродвижению и повышению уровня качества ее жизни; выстроены в соответствии с ее индивидуальными интеллектуально-творческими возможностями, жизненным опытом и позволяют ей занять активную субъектную жизненную позицию» [Илаева, Савина, 2016]. Жизненные стратегии молодежи и концептуализация их восприятия и исследования рассматривались и в работах Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова [Чупров, Зубок, Романович, 2014; Зубок, Чупров, 2019; Зубок, Чупров, 2020]. Системная актуальность изучения жизненных стратегий молодежи подчеркивается авторами через идею о том, что «место жизненных стратегий в социокультурном механизме саморегуляции жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности» [Зубок, Чупров, 2020: 22].

Стоит отметить, что жизненные стратегии молодежи изучаются достаточно широко, но не системно. В связи с постоянной трансформацией рынка труда наиболее актуально и востребовано исследование трудовых, карьерных и профессиональных стратегий [Шаповалова и др., 2023; Ковальчук, 2023; Касаткина, Шумкова, 2020; Бочаров, 2020; Казенов, 2019]. Национальная идея определила и повышенный интерес к матримониальным стратегиям, где изучается брачное и репродуктивное поведение [Малышкина и др., 2023; Благорожева, 2022; Котов, Грек, 2020], поднимается вопрос о рисках демографического спада. Политические стратегии молодежи стали особенно актуальны во время геополитического кризиса, и часто это касается различных аспектов протестного поведения молодого поколения [Шаповалова, 2022; Шаповалова, Валиева, 2022]. Постоянного мониторинга заслуживают и образовательные стратегии молодежи, особенно в условиях цифровизации образования и появления новых форм получения [Косарева, Чистяков, Маслова, 2023; Богданов, Малик, 2020; Павленко, Якубовская, 2020; Толстиков, Извекова, Кашина, 2019]. Единичные (но не менее значимые) научные работы связывают жизненные стратегии с проблемой социальной уязвимости, что мы можем наблюдать, например, в книге и статьях Ж. В. Черновой и Л. Л. Шпаковской, где рассматриваются жизненные траектории выпускников детских домов [Чернова, Шпаковская, 2023; 2020].

В нашей статье предполагается соединить проблему изучения групп социально уязвимой молодежи с анализом их жизненных стратегий. Исследовательский вопрос статьи звучит следующим образом: существуют ли особенности в жизненных стратегиях социально уязвимых групп молодежи, и насколько велики отличия их показателей от молодежи, не относящейся к таким группам?

Материалы и методы исследования

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга социальных стратегий молодежи, который с 2018 г. осуществляет Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Мониторинг проводится методом онлайн-опроса через рекрутеров (используется техника «горячий рекрутинг», предполагающая работу рекрутеров в наборе выборки по методу «снежного кома», с адресной рассылкой информации о проводимом исследовании и индивидуальным консультированием респондентов по вопросам исследования). Такой метод позволяет обеспечить максимальный доступ к различным группам респондентов (с учетом условий приграничного региона удалось опросить жителей близких к фронту районов и поселений), снижает сопротивляемость респондентов, уменьшает риск предоставления недостоверной информации, обеспечивает участие в исследовании меньшинств (национальных и конфессиональных групп, социально уязвимых групп, представителей субкультур).

В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре — декабре 2024 г., респондентами онлайн-опроса стали представители молодежи Белгородской области ($N = 5\,847$ человек), выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Возрастные границы были определены в периоде от 14 до 35 лет согласно Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации»². Дополнительным квотным признаком выступали группы молодежи (школьники и обучающиеся в СПО (учащаяся молодежь), студенты и работающие). Выборка соответствует распределению молодежи региона по поселениям, гендерному составу, а также сохраняет соотношение между учащейся, студенческой и работающей молодежью. К участию в исследовании были привлечены 247 рекрутеров, проживающих на территории Белгородской области. В качестве поселенческого признака были обозначены: крупный город (население от 250 тыс. до 1 млн человек), небольшой город (население до 50 тыс. человек) — в эту же категорию отнесены ПГТ (поселки городского типа), сельские территории — поселки и сельские поселения (села, деревни, хутора). В исследовании не принимала участие молодежь больших городов, так как такие отсутствовали на территории исследования.

Показателями исследовательской модели стали экономическая, политическая, карьерная, семейная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная жизненные стратегии (связанные с основными сферами жизни мо-

² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе. URL: <https://base.garant.ru/400156192/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения: 21.07.2025).

лодежи). В статье представлен анализ показателей для пяти основных стратегий (экономической, политической, общественной, семейной и самосохранительной). В качестве индикаторов в 2024 г. для каждой стратегии были продиагностированы типы жизненных диспозиций, направления жизненного планирования.

Операционализация типов жизненных диспозиций основана на возможных вариантах отношения к данной стратегии или ее основной ценности (например, семья для семейных стратегий, здоровье для самосохранительных, ценность и важность самореализации для самореализационных, миграционные ориентации для миграционных, важность карьеры для карьерных стратегий и т.д.). В вопросах, касающихся жизненных диспозиций, молодым респондентам предлагались вопросы определения ведущей жизненной установки относительно жизненной стратегии, которая определяла бы их дальнейшее поведение (предлагалось ответить на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?»). Выборы по данному вопросу были даны в закрытой форме и на альтернативной основе (не предусмотрено множественного выбора и открытых вариантов ответов). Это позволило получить более четкую структуру типов жизненных диспозиций для региональной молодежи.

Жизненные планы для каждой стратегии установлены, исходя из ключевых жизненных ориентиров молодежи (определенных изначально методами молодежных фокус-групп, экспертных консультаций в 2018 г. (с последующей коррекцией)). Вопросы, касающиеся жизненного планирования, были даны в табличной форме, с обязательной оценкой каждого выбора по шкале «обязательно», «желательно», «не обязательно». Инструкция к вопросу звучала следующим образом: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия (если Вы уже реализовали какие-то из предложенных вариантов, отметьте их как обязательные)».

В 2024 г. в опросе участвовали 725 молодых человек, относящихся к группам социальной уязвимости, что составило 12,4 % от общего массива участников. Они были распределены по следующим группам социальной уязвимости: родители-одиночки, родители, воспитывающие детей-инвалидов, люди, имеющие инвалидность или ОВЗ, а также группы, связанные с СВО (беженцы, участники СВО, члены семей участников СВО и потерявшие на СВО близких). Дополнительно включена группа выпускников детских домов. Адекватность выделенных групп социальной уязвимости для региональной молодежи была подтверждена в рамках консультаций со специалистами в области социальной защиты населения. В общей группе социальной уязвимости каждая группа представлена в размере от 76 до 280 человек (некоторые респонденты имели более одного статуса), но не менее 10 % от всей группы (см. табл. 1 Приложения). Для молодых людей, относящих себя к группам социальной уязвимости, не была составлена дополнительная выборка по полу и возрасту (что является ограничением для данного исследования), поэтому набор был произведен методом рекрутирования (как и для всего массива респондентов). Респонденты, не относящиеся к группам социальной уязвимости, составила референтную группой, с которой было осуществлено сравнение по всем показателям исследования.

Методика анализа включала расчет отклонений показателей уязвимых групп от референтной группы, сравнительный анализ внутригрупповых профилей.

Особенности диспозиций и жизненного планирования социально уязвимых групп молодежи

Важно понять, насколько представлены различия в социальных диспозициях и системе жизненного планирования по отношению к более благополучным группам большинства и для каких групп возможно возникновение дефицитных полей в реализации жизненных стратегий. Ставя вопрос таким образом, мы исходим из того, что жизненное планирование отражает оценку перспектив и возможностей в реализации, а также острую необходимость для обеспечения качества жизни и ситуации успешности в достижении планов. Для рассмотрения были определены жизненные стратегии, наиболее полно показывающие различия в жизненных диспозициях и планах молодежи разных групп.

Экономическая сфера

При рассмотрении экономических стратегий выявлены общие закономерности, связанные с тем, что группы с наименьшей склонностью к сбережению (родители детей-инвалидов, молодежь с ОВЗ, молодежь со статусом беженцев) демонстрируют вынужденно-адаптивную, или дефицитарную, модель экономического поведения, при которой денежные средства немедленно направляются на текущее потребление. У одиноких родителей и малообеспеченных групп молодежи, напротив, фиксируется установка на аккумуляцию как форму компенсаторной безопасности. Молодые люди с ОВЗ, беженцы, выпускники детских домов и участники СВО, пережившие или переживающие острую фазу социальной травмы (и/или институционального исключения), демонстрируют гедонистически-компенсаторную стратегию: деньги рассматриваются как ресурс немедленного восстановления субъективно благополучия, а не долгосрочного накопления (см. табл. 2 Приложения).

Группировка уязвимых категорий молодежи по характеру отклонения от «нормативной» группы позволяет выделить характерологические кластеры в отношении экономических стратегий:

— Кластер «ресурсного дефицита и автономии» (матери-одиночки, выпускники детских домов, получатели пособий). Характеризуется высокой склонностью к сбережению, ориентацией на помощь родителям, умеренным интересом к бизнесу, выраженным запросом на жилье. Доминирует прагматизм и стремление к финансовой самостоятельности вопреки дефициту ресурсов.

— Кластер «травмы и гедонизма» (участники СВО, потерявшие близких на СВО, члены их семей, люди с ОВЗ). Отличается гедонистической диспозицией, низкой ориентацией на долгосрочные накопления, высоким интересом к предпринимательству, сниженной потребностью в выходе на пенсию. Выражена посттравматическая переоценка ценностей, переориентация на «жизнь здесь и сейчас».

— Кластер «маргинальной адаптации» (беженцы, родители детей-инвалидов). Демонстрирует высокую установку на помощь близким, низкую склонность к инвестициям и бизнесу, ориентацию на «выход на пенсию». Наибольшая зависимость от государства и формальных структур поддержки, минимальная предпринимательская активность.

Сравнение с референтной группой показывает, что уязвимость не столько снижает уровень притязаний, сколько деформирует каналы их реализации, смещая

акценты с институциональных форм накопления (депозиты, инвестиции) на неформальные практики (помощь близким, «быстрые» траты). Это согласуется с тезисом о дефиците доверия к финансовым институтам среди маргинализированных групп [Веселов, Скворцов, 2023].

Политическая сфера

Рассматривая *политические стратегии*, стоит отметить, что для социально уязвимых групп молодежи в большей степени, чем для группы большинства, характерно индифферентное отношение к политике (особенно это очевидно для выпускников детских домов) (см. табл. 3 Приложения). Институциональное исключение (интернатное прошлое), физические ограничения и высокая повседневная нагрузка (одинокое родительство) формируют когнитивный и мотивационный барьер для входа в политическое поле. Политика воспринимается как «чужая», недоступная сфера. Политическая субъективация возникает там, где уязвимость непосредственно связана с действием государства (военные действия, миграция, инвалидность ребенка как объект социальной политики). Эти группы видят в политике не абстракцию, а инструмент изменения собственного положения.

Что касается политических жизненных планов социально уязвимой молодежи, то желание вовлекаться в политику в разы превосходит значения показателей основной группы по всем позициям. Такой результат может быть объяснен с позиции неактуальности общей политической повестки, но желанием использовать политическое субъективное участие как возможность защиты в условиях социальной уязвимости, воздействия на ситуацию.

Наиболее важные результаты по данной стратегии получены в отношении протестного потенциала: у восьми групп из девяти он в два и более раза превышает аналогичный показатель референтной группы в индексном выражении и относительно значений показателя такого потенциала по каждой из тем протеста (см. рис. 1). Для такой группы молодежи, как родители детей-инвалидов, показатель протестного потенциала доходит до 74 %. Высокие показатели имеют также группы выпускников детских домов и участников СВО.

На основе сравнения с нормативной группой в рассмотрении политических стратегий молодежи выделяются четыре типических кластера.

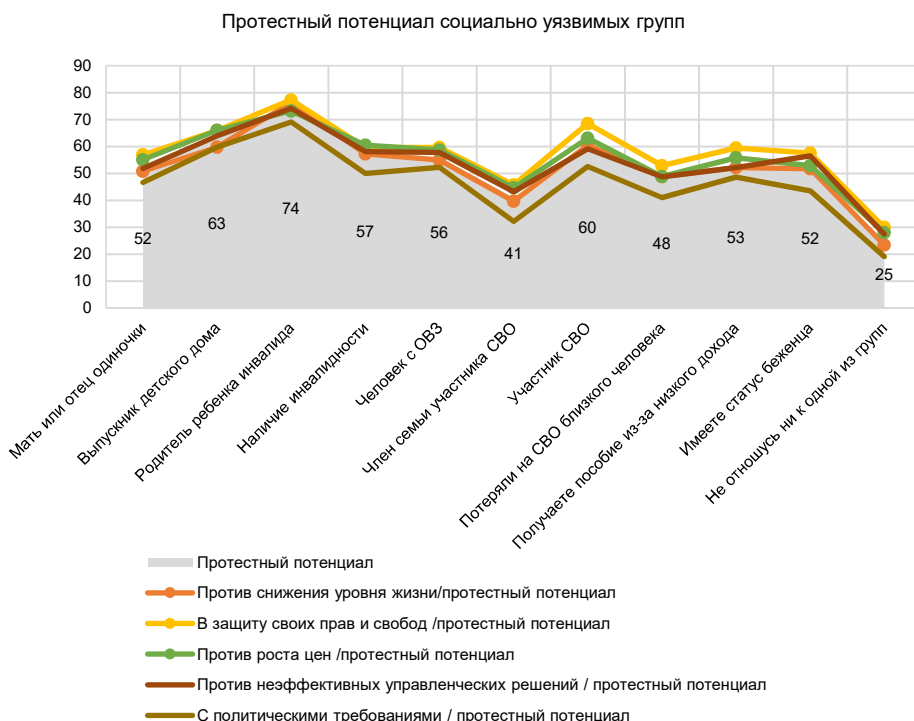
— Кластер «системной мобилизации» (участники СВО), демонстрирует высокую вовлеченность в деятельность партий, выборы, электоральные кампании; достаточно высокий протестный потенциал. Политическое участие осмысливается как продолжение служебной функции, конвертация военного опыта в политический капитал в рамках существующей системы.

— Кластер «компенсаторной гипермобилизации» (родители детей-инвалидов, выпускники детских домов, потерявшие близкого на СВО (частично), беженцы (частично)) показывает кратное (в три-пять раз) превышение нормативных показателей по всем формам политической активности, включая протест и выдвижение кандидатом на политические должности. Политика в данном случае выступает символическим полем восстановления утраченного социального статуса. Это компенсаторная стратегия, направленная на преодоление стигматизации и институционального исключения через обретение голоса.

— Кластер «амбивалентного выбора» (одинокие родители, лица с ОВЗ, получатели пособий) — показатели выше нормативных, но ниже, чем в предыдущем кластере. Сочетание индифферентности (30,8% одиноких родителей не интересуются политикой) и умеренной проективной активности. Политическая субъективация блокируется повседневной ресурсной истощенностью. Эти группы потенциально мобилизуемы, но не находятся в состоянии устойчивой политической мотивации.

Сравнение с «нормативной» группой показывает, что уязвимость не столько элиминирует политический интерес, сколько деформирует его структуру, смещая акценты с легитимно-институциональных форм на протестные и квазилитерские практики. Наибольшие риски деструктивной политической мобилизации фиксируются в группах, переживших институциональную травму или экстремальный опыт, при отсутствии эффективных каналов артикуляции их интересов.

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Если в месте Вашего проживания состоятся массовые выступления протеста, вы лично примете в них участие или нет?»

Общественная сфера

Относительно общественных стратегий социально уязвимых групп молодежи можно заметить, что представленность эгоцентричного типа (ориентированного на собственные потребности) среди таких респондентов скорее меньше, чем в благополучных группах, реже встречается и тип ситуативного участия. А вот общественно активные группы, в том числе и участники общественных организа-

ций, общественные лидеры встречаются значительно чаще, особенно среди таких групп, как родители детей-инвалидов, выпускники детских домов и потерявшие близких на СВО (см. табл. 4 Приложения).

Эмпирическая типология общественных стратегий социально уязвимой молодежи, построенная на сравнении с нормативной группой, включает три кластера, различающиеся по характеру и интенсивности просоциальной активности.

— Для кластера «депривированных мобилизованных» (выпускники детских домов, родители детей-инвалидов и, частично, участники СВО) характерно кратное (в два-три раза) превышение нормативных показателей по всем формам проективной просоциальной деятельности. Природа этого феномена, как представляется, коренится в нереализованном, но крайне интенсивном запросе на субъектность. Институциональное сиротство и ситуация родителей детей-инвалидов в условиях особой заботы формируют у представителей этой категории не только опыт депривации, но и устойчивые практики ответственного действия. Общественная деятельность в их восприятии выступает пространством, где возможны восстановление контроля, обретение социального признания и конвертация личного опыта в публично значимый ресурс.

— В кластере «ситуативно-мобилизованных» (лица с инвалидностью и ОВЗ, одинокие родители, получатели пособий, беженцы) показатели просоциальной активности также превышают нормативные, однако масштаб этого превышения (в полтора-два раза) уступает первому кластеру. Группы этого кластера демонстрируют выраженный интерес к волонтерству (46—55 %) и благотворительности (40—48 %), но заметно меньше ориентированы на институциональные формы участия, такие как создание общественных организаций или занятие социальным предпринимательством. Сдерживающим фактором выступают ограничения компетенций и ресурсов: волонтерская деятельность и благотворительность воспринимаются как доступные практики, не требующие специальных знаний или стартового капитала, тогда как учреждение организации или реализация социально-предпринимательского проекта сопряжены с высокими транзакционными издержками, что для этих групп становится непреодолимым барьером.

— Кластер «замкнуто-лояльных» (члены семей участников СВО) по всем формам проективной активности демонстрирует минимальные значения среди уязвимых категорий (волонтерство — 40,7 %, основание организации — 27,1 %, социальное предпринимательство — 25,7 %), хотя они и остаются выше аналогичных показателей нормативной группы. В отличие от самих участников СВО, члены их семей не пережили непосредственного травматического опыта, но находятся в поле его воздействия. Это порождает не мобилизацию, а, напротив, консервацию жизненных установок: снижение готовности к риску, акцент на стабильность, избегание дополнительных обязательств. Общественная деятельность в данном случае не воспринимается как приоритетная сфера приложения усилий.

Полученные данные опровергают линейную модель, постулирующую, что ухудшение социального положения неизбежно влечет снижение общественной активности. Фиксируется обратная зависимость: группы, объективно находящиеся в состоянии депривации, демонстрируют более высокий уровень проективной просоциальной мобилизации. На этом основании может быть сформулирована

гипотеза компенсаторной гражданственности, согласно которой опыт уязвимости, будучи осмысленным и соотношенным с пониманием его социальной природы, формирует устойчивую диспозицию к преобразованию социальной реальности. Общественная деятельность в этом контексте выступает способом преодоления собственной исключенности через участие в решении проблем других.

Наиболее отчетливо данный механизм проявляется в группах с длительным институциональным опытом (выпускники детских домов) и хронической опекунской нагрузкой (родители детей-инвалидов). Следовательно, потенциал гражданского участия российской молодежи сосредоточен не в «благополучном большинстве», а именно в социально уязвимых группах, имеющих опыт институциональной или экзистенциальной травмы. Вместе с тем этот потенциал остается латентным: он не конвертируется в реальную активность вследствие ресурсных, компетентностных и институциональных барьеров. Снятие данных барьеров, таким образом, представляет собой стратегическую задачу молодежной политики.

Семейная сфера

Семейные стратегии для социально уязвимых групп молодежи имеют свои особенности (см. табл. 5 Приложения). Анализ табличных данных позволяет выявить глубинные паттерны семейных диспозиций и репродуктивных стратегий среди различных категорий социально уязвимой молодежи в сравнении с нормативной группой. Семейная сфера в данном контексте выступает не только как область приватного выбора, но и как пространство компенсаторного конструирования идентичности, где уязвимость либо интенсифицирует традиционалистские установки, либо, напротив, формирует запрос на альтернативные модели родства и заботы.

В результате сопоставления с группой, не относящей себя к категориям социальной уязвимости, выделены три типических кластера, различающиеся по характеру семейно-репродуктивных установок.

— Кластер «компенсаторной традиционности» (выпускники детских домов, родители детей-инвалидов и участники СВО) характеризуется высокой легитимацией брака, установкой на детность (включая многодетность) и выраженные ожидания межпоколенной заботы. Семья для представителей этого кластера выступает не столько естественным продолжением унаследованной традиции, сколько целенаправленным проектом по воссозданию утраченного. Показательно, что при более выраженной, чем в нормативной группе, ориентации на традиционные репродуктивные сценарии эти респонденты одновременно демонстрируют большую готовность к плюрализации семейных форм, что свидетельствует о рефлексивном, а не ритуальном характере их традиционализма.

— Кластер «рефлексивной модернизации» (беженцы, получатели пособий, а также, частично, лица с ОВЗ) показывает максимальный уровень релятивизма в определении семейных границ, умеренные (однако превышающие нормативные) репродуктивные установки, высокую готовность к заботе о близких при одновременно сниженных ожиданиях возвратной заботы. Пережив дестабилизацию привычного жизненного уклада, эти респонденты сохраняют высокую значимость родственных связей, но переосмысливают их через индивидуализацию семейных норм, отказываясь от единственно легитимной модели семейного устройства.

— Кластер «замкнутой лояльности» (члены семей участников СВО и те, кто потерял близких в ходе боевых действий) демонстрирует лишь незначительное превышение показателей нормативной группы при резком снижении установок на многодетность и совместное проживание с детьми. Опосредованный характер уязвимости (через близкого человека) не стимулирует мобилизацию семейных стратегий, а напротив, ведет к их консервации: снижается готовность к рискам, связанным с расширением семьи, усиливается ориентация на сохранение сложившегося уклада, избегание дополнительных обязательств.

В совокупности представленные данные фиксируют принципиальную особенность семейных стратегий социально уязвимой молодежи. Группы, больше всего пострадавшие от институциональных и экзистенциальных дефицитов в семейной сфере, демонстрируют наиболее выраженную ориентацию на традиционные семейные формы, в первую очередь в репродуктивном измерении. Однако эта ориентация не носит архаичного характера, а представляет собой компенсаторно-рефлексивный феномен. Семья в данном случае выступает полем восстановления субъектности, утраченной вследствие сиротства, экстремального опыта, миграции либо хронической опекунской нагрузки. Выбор многодетности и брака здесь продиктован не незнанием альтернативных моделей, а тем, что эти альтернативы уже были пережиты как дефицитарные. Нормативная же группа, напротив, не нуждается в семье как инструменте компенсации, что и обуславливает принципиальное различие в содержании и интенсивности семейных стратегий.

Самосохранительная сфера

Анализ табличных данных позволяет выявить устойчивые паттерны самосохранительного поведения, репрезентированные как в актуальных диспозициях (отношение к здоровью, реальная включенность в спорт), так и в проективных стратегиях (готовность к здоровому образу жизни, спортивному волонтерству, долголетние ожидания) среди различных категорий социально уязвимой молодежи в сопоставлении с нормативной группой («не отношусь ни к одной из групп»). Самосохранительная сфера в данном контексте выступает не только областью биологического воспроизводства, но и полем символической репарации, где опыт уязвимости либо мобилизует ресурсы на продление жизни, либо, напротив, формирует фаталистические установки (см. табл. 6 Приложения).

Кластерный анализ позволяет выделить следующие кластеры в зависимости от отношения к самосохранительным стратегиям.

— Кластер «компенсаторной мобилизации» (выпускники детских домов, родители детей-инвалидов, участники СВО) имеет максимальные проективные стратегии (ЗОЖ, отказ от вредных привычек, диспансеризация); экстремально высокие ожидания долголетия (разрыв с нормой более чем в два раза). Самосохранительное поведение гипертрофировано и носит характер символического реванша над обстоятельствами.

— Кластер «инструментальной адаптации» (одинокое родители, лица с инвалидностью, люди с ОВЗ, беженцы) демонстрирует реальную заботу о здоровье и умеренные проективные стратегии (выше нормы, но ниже первого кластера) и ожидания долголетия. Забота о здоровье для этих групп — необходимость, про-

диктованная существующими ограничениями (инвалидность, опекуновство, постмиграционный синдром). Они не стремятся к спортивным рекордам и столетнему долголетию, но вынуждены поддерживать функциональность на уровне, достаточном для выполнения повседневных задач.

— Кластер «отложенной травматичности» (потерявшие близкого на СВО, члены семей участников СВО) характеризуется минимальной реальной заботой о здоровье (на уровне нормативной группы или ниже), высокой долей прокрастинации ЗОЖ и сниженным ожиданием долголетия (особенно в группе членов семей участников СВО — 38,2% ожидания 100 лет против 70,1% у выпускников детдомов). Острая травма (утрата) и опосредованная травматизация (членство в семье участника СВО) блокируют самосохранительную мобилизацию. Эти группы находятся в состоянии экзистенциальной паузы, когда забота о будущем (включая здоровье) откладывается до завершения фазы горевания или стабилизации.

Представленные данные фиксируют парадокс самосохранительных стратегий социально уязвимой молодежи: группы, объективно имеющие меньше ресурсов для долгой и здоровой жизни (сироты, родители детей-инвалидов, участники боевых действий), демонстрируют более высокие показатели реальной заботы о здоровье, проективной готовности к ЗОЖ и ожиданий долголетия, чем благополучная нормативная группа. Этот парадокс разрешается в рамках компенсаторно-символической модели: для уязвимых групп здоровье и долголетие является ресурсом восстановления субъектности, утраченной в прошлом; для нормативной группы здоровье становится естественным фоном, не требующим героических усилий.

Заключение

По итогам исследования сформулированы следующие итоговые выводы, фиксирующие ключевые закономерности, проблемные узлы и риски реализации жизненных стратегий социально уязвимой молодежи в региональном измерении.

Определена компенсаторно-мобилизационная природа жизненных стратегий уязвимых групп. Выявлен устойчивый парадокс: группы, объективно обладающие наименьшими ресурсами (выпускники детских домов, родители детей-инвалидов, участники СВО, молодежь с ОВЗ), демонстрируют более высокие показатели проективной активности в общественной, политической и самосохранительной сферах по сравнению с нормативной группой. Это позволяет говорить о формировании компенсаторно-символической модели жизненного конструирования, при которой депривационный опыт не столько блокирует устремления, сколько трансформируется в гипертрофированный запрос на признание, субъектность и восстановление утраченного статуса.

Также установлены поляризация типов уязвимости и дифференциация стратегий. Внутри массива социально уязвимой молодежи выделяются три устойчивых кластера, различающиеся по характеру отклонения от нормативных показателей.

— Кластер прямой, неопосредованной уязвимости (выпускники детдомов, родители детей-инвалидов, участники СВО) отличается максимальной проективной мобилизацией, ориентацией на институциональные формы участия, повышенными ожиданиями долголетия и многодетности, выраженной потребностью в публичной валидации.

— Кластер ресурсно-ограниченной адаптации (одинокое родители, лица с инвалидностью/ОВЗ, беженцы) демонстрирует умеренное превышение нормативных показателей, ориентацию на доступные формы активности (волонтерство, профессиональная самореализация), сниженные ожидания в сферах, требующих стартового капитала

— Кластер опосредованной, «фоновой» уязвимости (члены семей участников СВО, потерявшие близкого на СВО, получатели пособий) формирует показатели, близкие к нормативной группе или незначительно превышающие их, с минимальной компенсаторной мобилизацией и высокой долей прокрастинации жизненных решений.

Можно говорить и об инверсии ценностно-поведенческих паттернов, так как фиксируется устойчивое расхождение между вербальной приверженностью традиционным ценностям и реальными жизненными планами. Нормативная группа, декларируя максимальную поддержку традиционной семьи (63,6%), ориентирована на малодетность (один-два ребенка). Напротив, группы с релятивистским отношением к формам семьи (беженцы, участники СВО) демонстрируют значительно более высокую готовность к многодетности (до 48,5% планируют трех и более детей).

Социально уязвимая молодежь показывает высокий, но латентный гражданский потенциал. Устремленность большинства рассматриваемых групп на эффективные и социально значимые для региона жизненные выборы в разы превышает аналогичные решения со стороны благополучных групп молодежи. Однако этот потенциал остается нереализованным ввиду ресурсных, компетентностных и институциональных барьеров. Необходимо понимать, что реализация таких желаний связана прежде всего с той помощью и поддержкой, которая будет им оказана. Целенаправленная, планируемая помощь и поддержка, разработанная и внедренная с учетом потребностей конкретных социально уязвимых групп молодежи, может способствовать реализации их жизненных планов и снижению рисков их маргинализации.

Исследование позволило выявить ключевые проблемы и риски в планировании и реализации жизненных стратегий уязвимой молодежи.

Во-первых, это риск деструктивной политической мобилизации. В группах, переживших институциональную травму (выпускники детдомов) или экстремальный опыт (участники СВО, потерявшие близкого), фиксируетсякратно более высокий протестный потенциал (до 74% у родителей детей-инвалидов). При отсутствии легитимных каналов артикуляции интересов и институциональных форм поддержки данный потенциал может трансформироваться в деструктивные формы политического участия. Особого внимания требует молодежь, потерявшая близких на СВО, у которой протестная готовность сочетается с низкой ориентацией на системные формы участия.

Во-вторых, возникает риск экзистенциальной паузы и депривации перспективы в группах опосредованной уязвимости. Наиболее проблемными группами, демонстрирующими признаки фрустрации, дезадаптации и сужения временной перспективы, являются: молодежь со статусом беженцев, получатели пособий по низкому доходу и молодые люди, потерявшие близких на СВО. У этих групп фиксируются снижение горизонта жизненного планирования, высокая доля прокрастинации (особенно в самосохранительных стратегиях), минимальная компенсаторная мо-

билизация и заниженные ожидания достижимости. Ситуация усугубляется отсутствием институциональных механизмов, способных конвертировать их потенциал в реальные траектории.

Наряду с выявленными закономерностями следует обозначить риски, сопряженные с межпоколенной динамикой воспроизводства уязвимости. В группах, характеризующихся институциональным опытом (выпускники детских домов) и хронической опекунской нагрузкой (родители детей-инвалидов), зафиксированы высокие показатели ожидания возвратной заботы со стороны детей — 46,4 % и 47,4 % соответственно, что сочетается с устойчивой ориентацией на многодетность. При отсутствии адресных социальных лифтов и системных программ сопровождения подобная конфигурация установок может способствовать закреплению дефицитарных паттернов в следующем поколении, формируя тем самым замкнутый контур воспроизводства социальной уязвимости.

К числу значимых рисков относится также диссонанс между декларируемыми задачами социальной политики и реальным ресурсным обеспечением уязвимых категорий молодежи. Подобное рассогласование создает риск фрустрации при столкновении с реальными барьерами, что потенциально способно приводить к социальной аномии, отказу от легитимных стратегий адаптации и переходу к девиантным формам поведения.

Таким образом, социально уязвимая молодежь представляет собой не объект патерналистской опеки, а субъект, обладающий значительным, но институционально заблокированным потенциалом. Снятие этих барьеров необходимо не только для повышения качества жизни самих уязвимых групп, но и для укрепления человеческого капитала региона в целом.

Список литературы (References)

1. Благорожева Ж. О. Семейные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 91—102. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7>.
Blagorozheva Zh. O. (2022) Family Strategies of Regional Youth. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 8. No. 3. P. 91—102. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7>. (In Russ.)
2. Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>.
Bogdanov M. B., Malik V. M. (2020) Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>. (In Russ.)
3. Боровиков А. П. Инклюзивное социальное проектирование как инструмент социализации студентов с инвалидностью // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 4. С. 117—123.

- Borovikov A. P. (2022) Inclusive Social Design as a Tool for Socialization of Students with Disabilities. *Innovative Development of Professional Education*. No. 4. P. 117—123. (In Russ.)
4. Бочаров В. Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2. С. 113—129. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129>.
Bocharov V. Y. (2020) The Concept of Work-Life Balance as the Basis for a Typology of Strategies for the Labor Behavior of Working Youth. *Social and Labor Research*. No. 2. P. 113—129. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129>. (In Russ.)
5. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157—179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>.
Veselov Y. V., Skvortsov N. G. (2023) Transformation of the Culture of Trust in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 157—179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>. (In Russ.)
6. Загутин Д. С., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Социальное здоровье российской студенческой молодежи в контексте реализации институциональных механизмов социальной поддержки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6—7. С. 41—45.
Zagutin D. S., Gafiatulina N. H., Samygin S. I. (2017) Social Health of Russian Students in the Context of the Implementation of Institutional Mechanisms of Social Support. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. No. 6—7. P. 41—45. (In Russ.)
7. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.
Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Meaningful Values in the Cultural Space of Youth. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)
8. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.
Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2020) Youth's Life Strategies: Realization of Expectations and Social Attitudes. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)
9. Илаева Р. А., Савина Н. Н. Сущность жизненной стратегии и ее типологии // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25635> (дата обращения: 23.07.2025).

- Ilaeva R. A., Savina N. N. (2016) The Essence of Life Strategy and its Typology. *Modern Problems of Science and Education*. No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25635> (дата обращения: 23.07.2025). (In Russ.)
10. Казенов Р. С. Карьерные стратегии молодежи в условиях социальной трансформации // Академия педагогических идей. Новация. 2019. № 5. С. 66—69. Kazenov R. S. (2019) Career Strategies of Youth in the Context of Social Transformation. *Academy of Pedagogical Ideas. Novation*. No. 5. P. 66—69. (In Russ.)
 11. Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непаздный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>. Kasatkina N. P., Shumkova N. V. (2020) From Self-Education to Self-Employment: Back Entrance for Youth to the Labor Market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>. (In Russ.)
 12. Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83—94. <https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6>. Kisilenko A. V., Shapovalova I. S. (2023) Designing a Life Path or How Do Young People See Their Future? *Sociological Studies*. No. 2. P. 83—94. <https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6>. (In Russ.)
 13. Ковальчук О. В. Профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов как индикатор благополучия региона // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 3. С. 37—48. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-4>. Kovalchuk O. V. (2023) Professional Life Strategies of Children with Disabilities as an Indicator of the Region's Well-Being. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 9. No. 3. P. 37—48. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-4>. (In Russ.)
 14. Косарева Е. С., Чистяков А. В., Маслова Ю. В. Образовательные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 5. С. 66—74. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-66-74>. Kosareva E. S., Chistyakov A. V., Maslova Yu. V. (2023) Educational Strategies of Russian Youth in the Context of Digitalization of Society. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. Vol. 16. No. 5. P. 66—74. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-66-74>. (In Russ.)
 15. Котов Д. А., Грек Н. В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 499—517. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>.

- Kotov D. A., Grek N. V. (2020) Transformation of Reproductive Behavior in the Context of Life Strategies of Russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 499—517. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>. (In Russ.)
16. Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. Пути преодоления основных проблем социальной защиты малообеспеченной молодежи (на примере Пензенской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2. С. 374—386. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-374-386>.
Kosharnaya G. B., Karimova L. F. (2022) Ways to Overcome the Main Problems of Social Protection of Low-Income Youth (On the Example of the Penza Region). *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 22. No. 2. P. 374—386. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-374-386>. (In Russ.)
17. Малышкина А. И., Кулигина М. В., Панова И. А., Рычихина Н. С. Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 113—122. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9>.
Malyshkina A. I., Kuligina M. V., Panova I. A., Rychikhina N. S. (2023) Self-Preservation and Reproductive Strategies of Modern Student Youth: A Medical and Sociological Analysis. *Woman in Russian Society*. No. 4. P. 113—122. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9>. (In Russ.)
18. Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.
Pavlenko E. S., Yakubovskaya A. A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>. (In Russ.)
19. Сергеева Е. А. Специфика политики социальной поддержки уязвимых категорий населения // Отечественный журнал социальной работы. 2005. № 4. С. 35—46.
Sergeeva E. A. (2005) Specifics of the Policy of Social Support for Vulnerable Categories of the Population. *Domestic Journal of Social Work*. No. 4. P. 35—46. (In Russ.)
20. Смолева Е. О. Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-западного Федерального округа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 351—368. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.18>.
Smoleva E. O. (2018) Barriers to inclusion in the labor market in the perception of socially vulnerable categories of the population (on the example of the North-Western Federal District). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social*

Changes. No. 4. P. 351—368. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.18>. (In Russ.)

21. Терновоя Л. О. Понимание проявлений эксклюзии и инклюзии в осмыслении специфики социального государства // Вестник экономических и социологических исследований. 2023. № 1. С. 35—44.
Ternovaya L. O. (2023) Understanding the Manifestations of Exclusion and Inclusion in Understanding the Specifics of the Welfare State. *Bulletin of Economic and Sociological Research*. No. 1. P. 35—44. (In Russ.)
22. Толстиков В. А., Извекова Ю. С., Кашина Т. Л. Образовательная стратегия как один из важнейших компонентов жизненной стратегии молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 5. С. 38—43.
Tolstikov V. A., Izvekova Yu. S., Kashina T. L. (2019) Educational Strategy as One of the Most Important Components of the Youth's Life Strategy. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. No. 5. P. 38—43. (In Russ.)
23. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: Социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014.
Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. (2014) Attitude to Social Reality in Russian Society: Socio-Cultural Mechanism of Formation and Reproduction. Moscow: Norma; INFRA-M. (In Russ.)
24. Шабунова А. А., Калачикова О. Н., Леонидова Г. В., Смолева Е. О. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. №2. С. 29—47. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.2>.
Shabunova A. A., Kalachikova O. N., Leonidova G. V., Smoleva E. O. (2016) Exclusion as a Criterion for Identifying Socially Vulnerable Groups of the Population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 2. P. 29—47. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.2>. (In Russ.)
25. Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 39—45. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45>.
Shapovalova I. S. (2022) Youth Political Strategies: Will our Politics be Young? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 22. No. 1. P. 39—45. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45>. (In Russ.)
26. Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26. № 2. С. 345—362.
Shapovalova I. S., Valieva I. N. (2022) The Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Background. *Integration of Education*. Vol. 26. No. 2. P. 345—362. (In Russ.)

27. Шаповалова И. С., Хашаева С. В., Чернышева Е. А., Благорожева Ж. О., Валиева И. С. Трудовые стратегии выпускников медицинских образовательных учреждений: прогнозируемые риски медицинской отрасли // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31. № S1. С. 774—783. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783>.
Shapovalova I. S., Khashaeva S. V., Chernysheva E. A., Blagorozheva Zh. O., Valieva I. S. (2023) Labor Strategies of Graduates of Medical Educational Institutions: Predicted Risks of the Medical Industry. *Problems of Social Hygiene, Healthcare and the History of Medicine*. Vol. 3. No. S1. P. 774—783. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783>. (In Russ.)
28. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Путевка в жизнь: Социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2023.
Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2023) A Guide to Life: Sociological Essays on Education, Class Inequality, and Social Exclusion in Russia. St. Petersburg: European University Press. (In Russ.)
29. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>.
Chernova Z. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Institution-Reared Children and Their Transition to Adulthood. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>. (In Russ.)
30. Tedeschi R. G., Calhoun L. G. (2004) Posttraumatic Growth: Conceptual Foundations and Empirical Evidence. *Psychological Inquiry*. Vol. 15. No. 1. P. 1—18. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1501_01.

Приложение

Таблица 1. **Параметры выборочной совокупности**

Группы социальной уязвимости	Количество опрошенных	% от всех опрошенных	% от представителей групп социальной уязвимости
Мать или отец, в одиночку воспитывающий ребенка (детей)	210	3,6	29,0
Выпускник детского дома	97	1,7	13,4
Родитель ребенка инвалида	97	1,7	13,4
Наличие инвалидности	124	2,1	17,1
Человек с ограниченными возможностями (по состоянию здоровья)	109	1,9	15,0
Член семьи участника СВО	280	4,8	38,6
Участник СВО	76	1,3	10,5

Группы социальной уязвимости	Количество опрошенных	% от всех опрошенных	% от представителей групп социальной уязвимости
Потеряли на СВО близкого человека	117	2,0	16,1
Получаете пособие из-за низкого дохода	111	1,9	15,3
Имеете статус беженца	85	1,5	11,7
Не отношусь ни к одной из групп	5122	87,6	—
Итого ответивших:	5847	—	—

Таблица 2. **Экономические стратегии социально уязвимых групп молодежи**
(в таблице даны только ответы «обязательно»)

Варианты жизненных стратегий	Мать или отец, в одиночки	Выпускник детского дома	Родитель ребенка инвалида	Наличие инвалидности	Человек с ОВЗ	Член семьи участника СВО	Участник СВО	Потеряли на СВО близкого человека	Получаете пособие из-за низкого дохода	Имеете статус беженца	Не отношусь ни к одной из групп
Жизненные стратегии											
Отказаться от материальной помощи родителей	61,3	55,8	48,6	49,5	57,4	59,5	46,4	47,6	49,3	53,8	59,6
Покупка машины	60	58,6	52,2	53,6	58,5	64,9	57,7	52,4	58,2	67,3	57,9
Покупка квартиры	71,3	67,4	54,3	69,1	75,5	67,6	62,9	57,1	72	76,9	69,3
Открытие бизнеса	30,7	28,8	26,8	26,8	34	27	34	12,7	29,1	21,2	26,3
Помощь родителям	74,8	75,2	76,8	78,4	75,5	66,2	79,4	76,2	79,1	73,1	78,9
Выход на пенсию с отказом от работы	29,5	26,2	19,6	17,5	25,5	27	18,6	12,7	28,4	26,9	24,6
Наличие финансовых накоплений	70,7	68,1	63	66	76,6	52,7	58,8	61,9	68,7	84,6	65,8
Высокий заработок	67,4	65,6	60,1	72,2	74,5	52,7	56,7	50,8	64,6	69,2	59,6
Открытие депозитного счета (в банке, под проценты)	38,5	34,9	29,7	26,8	43,6	37,8	32	22,2	35,1	30,8	36,8
Открытие инвестиционного счета (процент от роста ценных бумаг, акций)	33,6	31,7	28,3	24,7	35,1	31,1	33	17,5	32,5	25	30,7
Благотворительная деятельность	31,2	28,5	38,4	21,6	39,4	31,1	32	23,8	32,1	30,8	33,3

Таблица 3. **Политические стратегии социально уязвимых групп молодежи**
(в таблице даны только ответы «обязательно»)

Варианты жизненных стратегий	Мать или отец, в одиночки	Выпускник детского дома	Родитель ребенка инвалида	Наличие инвалидности	Человек с ОВЗ	Член семьи участника СВО	Участник СВО	Потеряли на СВО близкого человека	Получаете пособие из-за низкого дохода	Имеете статус беженца	Не отношусь ни к одной из групп
Стать политически более активным: разбираться в политике, участвовать в политических дискуссиях, следить за политическими новостями	33,9	52,6	56,7	46	40,4	23,6	47,4	37,6	36	37,6	14,7
Вступить или участвовать в работе политической партии	24,7	34	43,3	28,2	29,4	16,8	47,4	26,5	26,1	25,9	9
Участвовать в избирательных кампаниях в поддержку политических лидеров	29,4	46,4	49,5	34,7	38,5	18,9	43,4	29,1	32,4	23,5	14,3
Участвовать в выборах, референдумах	34,7	44,3	46,4	43,5	38,5	32,1	53,9	34,2	37,8	37,6	29,6
Участвовать в протестных движениях	28,4	43,3	42,3	36,3	33,9	20,7	40,8	28,2	29,7	29,4	9,3
Участвовать в качестве кандидата в депутаты в выборах	26,5	44,3	46,4	32,3	32,1	17,9	43,4	27,4	31,5	28,2	10,3
Баллотироваться в мэры или губернаторы	27,3	49,5	44,3	35,5	40,4	19,3	44,7	29,1	33,3	27,1	10,4

Таблица 4. Общественные стратегии социально уязвимых групп молодежи
(в таблице даны только ответы «обязательно»)

Варианты жизненных стратегий	Мать или отец, в одиночки	Выпускник детского дома	Родитель ребенка инвалида	Наличие инвалидности	Человек с ОВЗ	Член семьи участника СВО	Участник СВО	Потеряли на СВО близкого человека	Получаете пособие из-за низкого дохода	Имеете статус беженца	Не отношусь ни к одной из групп
Заниматься волонтерской деятельностью	46,3	62,9	62,9	54,8	55	40,7	60,5	44,4	51,4	47,1	24,4
Основать или стать членом общественной организации	34,1	48,5	57,7	41,1	39,4	27,1	48,7	36,8	39,6	34,1	14,5
Заниматься благотворительностью	40,2	54,6	54,6	47,6	48,6	38,9	53,9	44,4	48,6	43,5	25,9
Предложить и реализовать какой-то социально-значимый проект	38,4	47,4	51,5	43,5	34,9	30	51,3	38,5	42,3	40	18,6
Заниматься социальным предпринимательством (для решения какой-либо социальной проблемы)	37,6	47,4	57,7	45,2	45,9	25,7	51,3	41	41,4	36,5	17,9

Таблица 5. Семейные стратегии социально уязвимых групп молодежи
(в таблице даны только ответы «обязательно»)

Варианты жизненных стратегий	Мать или отец, в одиночки	Выпускник детского дома	Родитель ребенка инвалида	Наличие инвалидности	Человек с ОВЗ	Член семьи участника СВО	Участник СВО	Потеряли на СВО близкого человека	Получаете пособие из-за низкого дохода	Имеете статус беженца	Не отношусь ни к одной из групп
Жениться/выйти замуж	59,2	73,2	67	70,2	56,9	60	71,1	60,7	62,2	61,2	60
Иметь одного ребенка	51,2	54,6	56,7	50,8	44	53,9	63,2	56,4	50,5	54,1	50,8
Иметь двух детей	37,6	54,6	51,5	48,4	43,1	37,9	48,7	44,4	40,5	34,1	29,3
Иметь трех детей	27,5	43,3	44,3	33,9	31,2	17,9	39,5	23,9	30,6	23,5	10,7
Иметь более трех детей	26,1	48,5	48,5	37,1	34,9	18,9	40,8	28,2	34,2	32,9	8,7
Жить совместно со своими детьми в старости	28,6	46,4	47,4	38,7	30,3	18,9	43,4	24,8	30,6	25,9	9,7
Жить вместе с престарелыми родителями, в случае их болезни и немоции	45,3	53,6	55,7	54,8	46,8	47,5	53,9	46,2	47,7	47,1	40,2

Таблица 6. Самосохранительные стратегии социально уязвимых групп молодежи
(в таблице даны только ответы «обязательно»)

Варианты жизненных стратегий	Мать или отец, в одиночки	Выпускник детского дома	Родитель ребенка инвалида	Наличие инвалидности	Человек с ОВЗ	Член семьи участника СВО	Участник СВО	Потеряли на СВО близкого человека	Получаете пособие из-за низкого дохода	Имеете статус беженца	Не отношусь ни к одной из групп
Заниматься спортом	65,9	80,4	76,3	75,8	69,7	63,9	75	70,1	66,7	75,3	60,2
Не курить и не употреблять других вредных веществ	60	74,2	67	72,6	61,5	61,8	59,2	60,7	64	56,5	65,3
Не употреблять алкоголь (минимум употребления)	62,2	76,3	72,2	74,2	69,7	60,7	71,1	62,4	66,7	63,5	61,7
Придерживаться здорового питания	56,1	71,1	68	66,9	57,8	56,1	57,9	62,4	60,4	62,4	52,2
Посещать поликлинику и проходить диспансеризацию в целях профилактики заболеваний	56,7	71,1	69,1	67,7	66,1	57,1	63,2	59	63,1	67,1	52,9
Стать спортивным волонтером	47,6	66	69,1	57,3	52,3	41,4	61,8	53	49,5	50,6	32,7
Дожить до 70 лет	57,8	69,1	68	66,9	62,4	54,6	73,7	63,2	58,6	61,2	55,1
Дожить до 80 лет	52,9	69,1	62,9	64,5	62,4	50	67,1	59,8	53,2	54,1	48,2
Дожить до 90 лет	51,4	72,2	63,9	61,3	56,9	44,3	67,1	54,7	54,1	51,8	40
Дожить до 100 лет или более	48,4	70,1	64,9	61,3	54,1	38,2	60,5	47,9	50,5	54,1	35,6